

Г. И. Петрова

ДЕКАБРИЗМ: ПАРАДОКСЫ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

Глобализм современного мышления характеризуется не только пространственным измерением, но и исторически временным. Поэтому в нашем отношении к собственной истории присутствует не только теоретический, научный интерес, но также интерес сугубо меркантильный: это наш арсенал, из которого мы можем черпать выстраданный прежними поколениями опыт, способы и средства общественной деятельности и нравственно-психологические формы поведения, на которые можно опереться в новой ситуации.

Декабризм сложен и многозначен. С эстетических позиций его можно рассматривать как явление и трагическое, и героическое, но есть в нем и комическое. При всей многозначности оценок красота в нем не просто доминирует, она есть общее впечатление от прожитой декабристами жизни. И это впечатление возникло не спустя многие годы, а еще при их жизни, сразу после совершенного подвига. Эстетическая значимость явления оказывает стимулирующее воздействие. В 1869 году Герцен писал: «Мы от декабристов получили в наследство возбужденное чувство человеческого достоинства, ненависти к рабству, уважения к Западу и революции, веру в возможность переворота в России, страстное желание участвовать в нем, юность и непочатость сил» [Герцен, 1987: 524].

Вся жизнь декабристов до Декабря органично и естественно продолжала развитие в Сибири: развитие мысли и ее актуализация определялись самим способом жизни, как способом жизни определялось и повседневное поведение. Это единство и цельность их жизни и судьбы не было разрушено 14 декабря. Здесь представляется уместным применение понятий, выработанных семиотикой, «зеркало» – «зазеркалье», которые берутся в качестве знака, «инструмента индивидуального самоожестовления», играющего определенную психоаналитическую роль в индивидуальной практической жизни человека. «...Зеркало в большинстве случаев выступает как граница семиотической организации и как граница между “нашим” и “чужим” мирами при любом заполнении, от “я – ты” до “досмертие – посмертие”. С этой точки зрения мена правого – левого становится знаком более общей закономерности; структурной реорганизации, например, перемены направления в течении времени, что... является разновидностью эффекта зеркальности. Таким образом, простейшие зеркальные эффекты: мена правого – левого, внешнего и внутреннего... оказываются знаками других организаций, что с точки зрения данной организации представляется как неправильность или дезорганизация» [К семиотике зеркала и зеркальности, 1988: 37].

Трагедия 14 декабря разделила жизнь декабристов во всех ее аспектах, как зеркало делит пространство на зазеркальное и «предзеркальное». Эффект зеркальности дает мену правого – левого, но при этом одно пространство отражается в другом без изменений. И в то же время зазеркальное пространство никогда не существует без того, которое находится по эту сторону зеркала. Декабристы после Декабря никогда не существовали бы без декабристов до Декабря. Но эта трагическая граница не разрушила их цельности, она не была той трещиной в «монолите чистой стали» (Герцен), которая означала бы начало разрушения. Декабристы смогли реализовать себя, свои идеалы, свой жизненный потенциал, найдя новые индивидуальные формы, адекватные тому высокому нравственному содержанию, ценность которого они пытались утвердить на Сенатской площади. Новая красота не несла в себе трагизма при неизменности их нравственной позиции: утверждения человеческого в человеке.

14 декабря было своеобразным зеркалом, «инструментом индивидуально-го самоотождествления», когда уже невозможно, глядя в зеркало, спутать правое – левое, когда этот энантиоморфизм окончательно преодолен.

В «зеркале» 14 декабря все парадоксально поменялось местами: люди высшего сословия оказались деклассированными. Но то, что осталось в «зазеркалье» – культура, знания, идеалы, привычки и пристрастия, все, что определяло и характеризовало их образ жизни, – повсюду сопровождало декабристов в Сибири.

Их бытие по отношению к бытию внешнего человеческого мира характеризовалось признаками упорядоченности, «правильности», чему во «внешнем мире», с точки зрения декабристов, соответствовали неупорядоченность, «неправильность», хаос. Напротив, с точки зрения жителей Сибири, именно «их», «свой» мир отличался разумностью и организованной упорядоченностью, тогда как «чужой», т. е. декабристский мир, имел элементы неразумности. В этом противоречии двух миров, которое проявилось в процессе их взаимодействия, особенно выпукло и ярко выявилась эстетическая направленность способа жизни декабристов, а «зеркало» 14 декабря выступало как граница семиотической организации и граница между «нашими» и «чужими» мирами. Хаос внешнего бытия, его неупорядоченность проявлялись в повседневном общении с местным населением. Противоречивый, парадоксальный характер этого общения объясняется двойственным статусом декабристов: деклассированные, они оставались в памяти современников дворянами, высшим сословием.

Парадоксально было то, что первой задачей, которая встала перед ними в Сибири, была необходимость упорядочить свое внутреннее жизненное пространство по отношению к внешнему пространству. При всей полноте осознания, что они не те, «кто ничего не ждет от времени», декабристы по-прежнему высоко ценили независимость индивидуальной жизни. Новые жизненные условия исключали возможность попадания в знакомые ситуации и применения апробированных методов и форм утверждения личной независимости, собственного достоинства и чести. Отношения здесь регулировались не полковой субординацией и уставом, не светским этикетом, а исключительно тем, что относится к сфере личности, ее человеческих качеств.

Организация внутреннего цивилизованного пространства в условиях петровского завода представляла собой «контрформу» их бытия форме тюремного заключения. Это диктовалось необходимостью создания человеческих условий существования, единственно позволяющих им выжить и сохраниться как лич-

ностям, создания *человеческого* мира для существования людей, «у которых осуждение не смогло отнять их прежних понятий и чувств» [Басаргин, 1988: 130]. В тех условиях это была единственная форма бытия, которая позволила бы сохранить в «скорбном труде» «дум высокое стремление».

Каторга поставила всех в одинаковые нравственные условия: задача стояла не в том, чтобы выжить кому-то одному, чтобы сохранить память правды обо всех, а в том чтобы не утратить нравственно-исторический «код эпохи». Эта задача стояла перед всеми и каждым.

Осознание декабристами исторической значимости своей жизни объясняется неприятием внешнего хаоса повседневной жизни и противопоставлением ему внутреннего цивилизованного пространства; отсюда – осознанная установка на приспособление условий к своим принципам, а не наоборот, внесение человеческого момента в систему политических стереотипов.

Сфера человеческих отношений, где приоритет отдавался красоте, действовала разрушительно на сферу отношений политических, внося в последнюю гуманистическое начало. Свадьба И. А. Анненкова с Полиной Гебель в Чите обнаруживает перед нами всю действенную силу красоты по отношению к другим сферам человеческих взаимоотношений. «Это была любопытная и, может быть, единственная свадьба в мире. На время венчания с Анненкова сняли железа и сейчас же по окончании обряда опять надели и увели опять в тюрьму...» [Басаргин, 1988: 140].

Эстетическое, проникая в области доэстетического, становится фактором материального и духовного «подчинения» неблагоприятности среды человеку. «Железа» были сняты не только с жениха, но и с его шаферов, Петра Сви-стунова и Александра Муравьева [Анненкова, 1932: 167]. Снятие оков с декабристов на время проведения обряда венчания означало, что взаимоотношения между государственными преступниками и всем государственно-тюремным механизмом переходили из сферы политических в сферу человеческих взаимоотношений. Действие это выявляло чисто «человеческие смыслы» и рождало эстетическое отношение, показывая несовместимость двух сфер бытия человека.

Были соблюдены все возможные в условиях политического заключения формальные условности свадебного обряда. С. Р. Лепарский, комендант крепости, сам вызвался быть посаженным отцом новобрачных и приготовил образ, которым по русскому обычаю благословляют молодых. То, что «главный тюремный надзиратель» берет на себя функции, не предусмотренные уставом и политической ситуацией, само по себе знаменательно.

Венчание проходило не в остроге, куда мог быть приглашен священник для совершения церемонии, а в церкви, то есть в том месте, которое определено традицией и наиболее прилично такому торжеству, несмотря на то, что венчался политический преступник. «Все дамы хлопотали принарядиться, как только это было возможно сделать в Чите... и шафера непременно желали быть в белых галстуках... как следовало для такой церемонии», и на невесте «было перколевое платье», и нашлось необходимое для освещения церкви количество свечей, достойное такого торжества, и, несмотря на отсутствие экипажей, «Лепарский, отъехав в церковь, прислал за мной свою коляску... Старик встретил нас торжественно и подал мне руку» [Анненкова, 1932: 166].

Все эти подробности церемонии, которые воспроизводит Полина Анненкова, выявляют не просто стремление соблюсти обычаи. Кроме того что они лишний раз подчеркивают ориентацию поведения декабристов «на Культу-

ру», а не «на Природу», как точно отметил Ю. М. Лотман, связь декабристов с традициями русского дворянства: экипаж для невесты государственного преступника как необходимый атрибут церемонии, – эти подробности принадлежат к сфере человеческих, вечных взаимоотношений, выявление которых было возможно в тех условиях благодаря эстетическому потенциалу способа жизни декабристов. Будучи «строительными элементами» мифа о декабризме, эти подробности обнаруживают жизнеспособность красоты как способа жизни, который не замедлил проявиться в данной ситуации. Если все формальные условия обряда принадлежат сфере человеческих взаимоотношений, то «железа» находятся в иной, государственно-политической сфере и несут определенную семантическую информацию, выполняя функцию своеобразного водораздела.

В этом проявилась не только верность себе: изменение действительности путем активного утверждения всего того, что способствует жизни. В этом проявилась и парадоксальность последекабрьского зазеркалья: будучи деклассированными, они могли апеллировать лишь к человеческим, личностным качествам при организации внешнего, чужого мира. Такая последовательность, чрезвычайно характерная для декабристов, есть зеркальное отражение 14 декабря, когда невозможность сносить унижение может быть преодолена только ценой собственной жизни.

Кажется, абсурдно говорить о том, что у людей, закованных в кандалы, могла существовать какая-либо иная цель, кроме как освободиться от цепей, и уж тем более такая высокая и благородная, как изменение действительности, преобразование ее «по законам красоты». Обратимся к классику: «Чувство, находящееся в плену у грубой потребности, обладает лишь ограниченным смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму... Удрученный заботами, нуждающийся человек невосприимчив даже к самому прекрасному зрелищу...» [Маркс, Энгельс: 718].

Чем можно объяснить постоянное стремление «удрученных заботами, нуждающихся», испытывающих духовный голод декабристов к красоте жизни? Чем объяснить эту странную заинтересованную «незаинтересованность» в красоте? Понимание декабристами красоты связано не с потреблением в любой его форме, а с созиданием, которое всегда имеет определенную цель. «Тип изящного мало-помалу изглаживается из моей памяти. Напрасно ищу его в книгах, произведениях искусства, в видимом, окружающем меня мире. Красота для меня – баснословное предание; символ граций – иероглиф необъяснимый» [Лунин, 1923: 23]. Недостаток, явная нехватка красоты в окружающем человеческом мире активизировали проявление эстетического потенциала способа жизни декабристов, который «обеспечивал» самовозрождение красоты. Направленность на выявление и закрепление положительных, «человеческих смыслов» (А. Ф. Еремеев) проявлялась в мелочах быта и бытия. После снятия с декабристов оков и цепей, носимых ими на ногах, Николаем Бестужевым из этих цепей были сделаны памятные кольца. Так политическое, правовое через выявление, усиление и закрепление «человеческих смыслов» перерабатывалось, становясь эстетическим.

Красота как способ жизни определяла и настоящую потребность декабристов в творчестве, представляющем собой в этом случае непростую форму связи мысли и бытовой наполненности жизни. Творчество их есть под-

тверждение, уточнение своего жизненного кредо – единство слова и дела, выраженного, заявленного еще до декабря 1825 года. «В Сибири мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили», – писал М. Лунин.

Отношение к декабристам не как к государственным преступникам, а как к людям «особым» объясняется не только разным уровнем культуры и не только комплексом этических качеств, присущих исключительно дворянскому сословию, а главным образом тем, что люди воспринимали декабристов через красоту жизни, ими созданную. Через ту красоту, которая порождала легенду. И как при возведении храма люди чувствовали свою сопричастность этому событию, так и здесь чувство сопричастности к этой красоте, к этой легенде рождало особое отношение как к декабристам, так и к самой жизни. Эстетическое значение поведения человека не может существовать вне конкретно-чувственной неповторимой формы его проявления. Почти любой поступок декабриста, «содержа» в себе «код эпохи», выделялся парадоксальностью, с точки зрения местного населения, неповторимостью формы и поэтому был эстетически значим.

Кроме того, все это создавало и определенную эмоциональную атмосферу события, изменяя напряжение между полюсами взаимоотношений декабристов и местных жителей. Эстетический характер и значение этого акта не могли быть восприняты вне конкретно-чувственной формы его проявления, что опять же выводило событие за границы одномерности. Взаимоподдерживающее единство этического и эстетического начал их способа жизни обеспечили сохранение красоты неутрачиваемого человеческого достоинства, и для этого им не приходилось прибегать к самоограничению, отшельничеству, к различным формам и способам аскетизма, без чего последующие поколения революционеров далеко не всегда могли обойтись. Способность сохранить высоту нравственного совершенства была дана декабристам естественно и органично.

Парадоксальность восприятия поведения декабристов возникала еще и оттого, что в коллективном сознании не произошло разделения на декабристов «до Декабря» и «после»: их бытие в прошлом, ставшее «зазеркальем», и их сегодняшнее бытие. Одно просматривалось сквозь другое, было неотделимо, как объект неотделим от своего изображения в зеркале. Декабристы появились в Сибири не как представители культуры, а как государственные преступники, чья вина была всем известна. Но восприятие их и отношение к ним происходило не через преломление их «вины», а через то положительно значимое, что снимало «неблагоприятность» среды. Культура, традиции дворянства, которые декабристы принесли в Сибирь, имели громадное значение в изменении жизненной среды обитания.

Весь образ жизни и вся жизнедеятельность декабристов способствовали созданию более мягкой морально-этической атмосферы в Сибири, изменяя нравы, повышая уровень культуры. Жизнь декабристов побуждала людей взглянуть на себя, свой быт и отношения сквозь призму красоты. В своей просветительской деятельности они не стремились «пропагандировать декабризм», как это утверждает Т. А. Роменская [Роменская, 1998: 153–154]. Осознавая, что 14 декабря было явной ошибкой («26/14 декабря – всего лишь досадное столкновение» [Лунин, 1923: 194]), они все же понимали, что этот день есть та нравственная ступень, ниже которой они не могут позволить себе опуститься. «Зеркало» 14 декабря, увиденное в прошлом, «за спину», всегда ока-

зывалось «перед лицом». И «стояние» на Сенатской площади было не только для духовной истории России беспрецедентным примером духовного героизма, но и для самих декабристов это был поступок, обладающий огромной нравственно-эстетической значимостью. И поэтому то, что они делали в Сибири, было продолжением, развитием этого подвига. Все то прогрессивное, что они утверждали своей жизнедеятельностью, было не всегда заметно, но в конечном счете имело глубокое и благотворное влияние не только на жителей Сибири, но и на нашу культуру в целом.

Список литературы

- Анненкова П. А.* Воспоминания Полины Анненковой. М., 1932.
Герцен А. И. Еще раз Базаров // А. И. Герцен. Эстетика. Критика. Проблемы культуры. М., 1987.
Лушин М. С. Сочинения и письма. Пг., 1923.
К семиотике зеркала и зеркальности // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тр. по знаковым системам. 1988. Вып. 831.
Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12.
Роменская Т. А. Музыка в жизни и деятельности декабристов // Декабристы и русская культура. Л., 1998.

Т. А. Петрунина

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕДАГОГИКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Отечественная педагогика находится в настоящее время в состоянии, удивительно напоминающем состояние педагогической мысли в России начала XX века. «Современная педагогика содержит самые разнообразные цели воспитания и обучения, различные методы и системы, разные программы. В современной педагогике нет основы, которая выражала бы общую идею и дух нашего времени. В ней все бессистемно, бессвязно, разбросано, противоречиво... Необходим широкий принцип, всеобъемлющий и связующий все частные цели, методы и материалы» [Вахтеров, 1987: 327].

Это проявляется в отсутствии продуманных педагогических концепций, скрепляющих в некоторую целостность идеи, возникшие на основе множества педагогических фактов и обширной практики. По сути дела, сейчас отсутствует педагогическая парадигма, то есть нет общепринятых принципов, представлений, идей и методов, которые могли бы руководить исследователями как в их теоретических изысканиях, так и в их практике. Несомненно, наше время – это время поиска и построения такой парадигмы.